

Иванушка дурень-варень.

Жилъ-былъ въ одномъ селѣ Иванъ дурень-варень. Женатъ былъ дурень; жену звали Софья Опросентьевна.

Разъ захотѣлось Ивану прогуляться. Пошелъ онъ. Идетъ, а у дороги въ полѣ мужичекъ пшеницу сѣетъ.

Увидалъ его дурень и говорить:

— Богъ въ помощь тебѣ, дядя! По краямъ-то пусто, а въ серединѣ ничего нѣтъ!

Услыхалъ это мужичекъ, да, вмѣсто спасибо, какъ накинется на дурня, какъ примется его колотить. Пошелъ дурень, весь избитый, домой. Идетъ и плачетъ.

— Софья моя, Опросентьевна!

Били меня, колотили меня!

Жалко его стало женѣ. Утѣшила она Ивана, а потомъ спрашиваетъ:

— Кто-жъ тебя, дурень? кто-жъ тебя, варень?

Разсказалъ ей Иванъ, какъ мужичка встрѣтилъ, что сказалъ и что дальше было. Разсердилась жена:

— И вправду,—говорить,—дуракъ же ты! Тебѣ бы вотъ что сказать: «Богъ въ помощь! Носомъ бы тебѣ не выносить, возомъ бы тебѣ не вывозить!»

— Ладно,—говорить дурень.—Теперь запомню.

Въ другой разъ пошелъ Иванъ прогуляться. Видитъ: навстрѣчу ему покойника везутъ. Вспомнилъ онъ женино наставленіе, да и говорить:

— Богъ въ помощь! Носомъ бы вамъ не выносить, возомъ бы не вывозить!

Какъ тутъ на него набросятся. Совсѣмъ избили, едва до дому добрался. Идетъ и плачетъ:

Софья моя, Опросентьевна!

Били меня, колотили меня!

Увидала его жена, сначала испугалась, а какъ узнала, за что Ивана избили, совсѣмъ ее зло взяло.

— Что ты,—говорить,—дурень? На смѣхъ, что ли, такъ дѣлаешь? Тебѣ бы вотъ что сказать, какъ ты гробъ-то увидѣлъ: «Вѣчная память! примите на свѣчку!» А ты что такое брякнулъ!

— Ну ладно же,—говорить дурень,—въ другой разъ такъ скажу.

И надо же было такой бѣдѣ случиться, что, какъ пошелъ опять дурень гулять, свадьба ему на встрѣчу ѣдетъ. Дурень скорѣй къ нимъ, подалъ жениху копѣйку и говорить:

— Вѣчная память! Примите на свѣчку!

Опять на него набросились, опять онъ, весь избитый, домой идетъ. Идетъ и причитаеть:

Софья моя, Опросентьевна!

Били меня, колотили меня!

Услыхала она, выбѣжала; рассказалъ ей Иванъ, что вышло. А она только руками всплеснула.

— Дурень ты,—говорить,—дурень! жениху этакое слово сказалъ!—Ты бы, какъ свадьбу-то увидалъ, заплакалъ-бы, заскакалъ, пѣсни бы сталъ пѣть! А то: «Вѣчная память!»

— Что жъ,—говорить Иванъ,—я и такъ сдѣлаю.

Вотъ пошелъ онъ какъ-то опять гулять. Шелъ, шелъ и видитъ: горитъ у мужика овинъ. Дурень сейчасъ въ плясъ пустился и пѣсню было пѣть началъ, да его тутъ-же принялись колотить. Опять онъ съ плачемъ къ женѣ идетъ:

— Били меня, колотили меня!

Увидѣла его жена, догадалась, что онъ, вѣрно, опять перепуталъ и прямо спрашиваетъ:

— Что ты надѣлалъ?

Разсказалъ ей Иванъ.

— Ну и дуракъ ты, — говоритъ жена. — Этакъ и всегда тебѣ битымъ ходить. Тебѣ бы ведро схватить, да и заливать.

— Ладно, — говоритъ дурень, — такъ и сдѣлаю.

Вотъ пошелъ онъ опять. — Видитъ: мужикъ свинью палить. Подбѣжалъ къ нему Иванъ и полное ведро на свинью бухъ! Разсердился мужикъ и началъ его отдѣлывать. Кое-какъ вырвался Иванъ; бѣжить къ женѣ, плачетъ:

Софья моя, Опросентьевна!

Били меня, колотили меня!

— Ахъ, горькая твоя головушка! Чего ты опять натворилъ?

Сказалъ ей Иванъ.

— Ну, такъ и есть! — говоритъ жена. — Тебѣ бы, дурню, вотъ что сказать:

— Богъ въ помощь, дядюшка! Тѣмъ же кусочкомъ заговѣться, тѣмъ и разговѣться!

— Охъ, — говоритъ Иванъ, — теперь такъ и скажу.

Вотъ вышелъ онъ опять, смотреть — навстрѣчу же ему мужичекъ ѣдетъ, навозъ на полосу везетъ. Остановился Иванъ и говоритъ:

— Богъ въ помощь, дядюшка! Тѣмъ же бы кусочкомъ тебѣ заговѣться, тѣмъ же и разговѣться.

Разсердился на него мужикъ:

— Ахъ ты, говоритъ, — такой-сякой! Что ты болтаешь?

И давай дурня учить. Прибѣжалъ Иванъ домой, плачетъ:

Софья моя, Опросентьевна!

Били меня, колотили меня!

А жена только вздыхаетъ:

— Охъ, что еще съ тобой стряслось?

А какъ узнала, какъ дѣло было, головой покачала:

— Ахъ, дурень ты, дурень! Ничего-то въ толкъ не возьмешь. Плюнулъ бы, да и пошелъ дальше.

— Ну, въ другой разъ такъ и сдѣлаю.

Опять захотѣлось Ивану прогуляться. И попадаетъ ему священникъ съ иконами. Вспомнилъ дурень мужицкіе побои, плюнулъ и хотѣлъ дальше итти, да не тутъ-то было! И досталось же ему на этотъ разъ.

Прибѣжалъ онъ домой, воетъ. А жена ужъ у дверей встрѣчаетъ:

— Наказаніе ты мое! Что ты еще натворилъ?

Все ей разсказалъ Иванъ. Какъ накинется на него жена:

— Да что же ты, наконецъ, Иванъ? Совсѣмъ погубить себя хочешь? Этакое дѣло! Ты бы, дурень, подошелъ да сказалъ: благословите, батюшка. Онъ бы и благословилъ тебѣ.

— Ладно, — говоритъ дурень, — пойду въ другой разъ, такъ и благословлюсь.

Случилось ему въ другой разъ мимо лѣса итти. Вдругъ видитъ онъ: медвѣдь сидитъ. Дурень къ нему: «батюшка, благослови!» А медвѣдь какъ зарычитъ, да лапой его по лбу разъ... Изъ дурня и духъ вонъ. Туда ему и дорога: все однимъ дуракомъ меньше.
